

18+

Аркадий Кулиненко

*Записки
пилигрима*

Аркадий Кулиненко
Записки пилигрима

«Издательские решения»

Кулиненко А.

Записки пилигрима / А. Кулиненко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748014-1

В этой книге нет выдуманных историй. Нет в ней фальшивых эмоций и ненастоящих мыслей. Это реальный опыт реального человека, собеседника и попутчика. Это долг перед теми, кто ушел, и моя рука тем, кто думает, что ему некому подать руки. Это благодарность моему Господу за Любовь и Терпение, за жизнь, за настоящих людей, за возможность мыслить и понимать, за возможность учиться.

ISBN 978-5-44-748014-1

© Кулиненко А.
© Издательские решения

Содержание

О воробышке	6
Как я бросил навсегда пить водку	8
Повезло ли мне с одноклассниками?	10
О снах и об иллюзиях	12
Так что же такое – Родина?	14
Гостиница «Колыма»	15
О зеленой воде речки Чирчик, и не только	16
Моя личная бухта	18
16-я рота	20
Мой дом	24
Узел связи	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Записки пилигрима

Аркадий Кулиненко

Хочу поблагодарить за помощь в создании книги моего друга и настоящего человека Гуцалюк Сергея Николаевича.

За профессиональную помощь в подготовке книги к изданию, за слова поддержки и помощь в продвижении книги, хочу выразить искреннюю, сердечную признательность моим одноклассникам, замечательным людям.

За своевременную поддержку, доброту и профессионализм хочу сказать сердечное спасибо коллективу интеллектуальной издательской системы Ridero.

© Аркадий Кулиненко, 2019

ISBN 978-5-4474-8014-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О воробышке

Я думаю, каждый из нас вспоминает свое детство, бывает, что воспоминания приходят неожиданно, разбуженные запахом, звуком, музыкой далекого времени.

В моем детстве было только лето, одно сплошное, теплое, залитое солнцем, пахнущее цветами и щебечущее птицами лето. Зимы не было вообще; ну может и была, но недолго, пару дней, а потом снова – лето.

До окончания мной пятого класса мы с мамой и бабушкой жили в селе, село называется Лобаново, это рядом со славным, самым лучшим городом на Земле – Джанкоем. Каждый, кто вырос вне большого города, кто вдохнул маленьким запах пшеничного поля, цветущего шиповника, просто запах пахотной, мягкой, нагретой солнцем земли, не сможет этого забыть, это остается внутри человека до конца, живет в нем и делает его лучше. Это – как эталонная мера восприятия, отсчет идет от этой, незыблемой меры.

Запахи окружали нас, питали нас, они были везде. Мы шли в школу в первый раз, и вокруг были астры, георгины, хризантемы, гладиолусы и еще масса цветов, круговерть запахов. Ячменное поле у дома дарило свой запах, виноградник за железнодорожной веткой и кукурузное поле за каналом предлагали свои незабываемые ароматы, поле с томатами и картофельные юлаки с нежно-сиреневыми цветами, добавляли свои ноты в эту прекрасную симфонию.

Посадка у железнодорожного пути была не посадкой, а лесом, нашим лесом. Деревья стояли близко, и мы соревновались, кто пройдет по кронам дальше всех, не спускаясь на землю. Мы хватались за тонкие ветви, они держали нас, хотя и гнулись; мы были как воробы, почти без веса.

Может потому, что мы были ближе и к деревьям и к земле, мы явственно ощущали запах коры каждого дерева, каждой букашки на земле.

Мы бежали и чувствовали, верили, что еще немного – и сможем взлететь. Может потому, что тогда прошло слишком мало времени, с того момента, когда каждый из нас пришел сюда из другого, легкого мира, где не нужно было использовать мышцы, чтобы оторваться от Земли, и мы об этом помнили, хоть и смутно.

Деревья действительно были большими, пыль на проселке была мягкой, легкой и обжигала ступни, собаки в большинстве были добрыми.

Мы шли купаться на канал, а потом залезали в кукурузу, которая была рядом, и грызли молочные початки. Иногда просто, как поросята, бултыхались в воде, которая скапливалась в низинке посадки после дождей и сильно прогревалась солнцем.

Была середина шестидесятых, война еще не успела уйти слишком далеко, тогда еще почти везде, на каждом поле и винограднике, возле железнодорожной ветки и станции РТС, стояли небольшие, иногда самодельные, обелиски, памятники со звездами, все знали, что там лежат Наши, самые лучшие, самые настоящие люди, благодаря мужеству которых нас греет солнце и радуют цветы и птицы.

Война была недалеко, как только мы начинали копать какую-нибудь нужную ямку, на свет появлялись гильзы и пули, куски железа, изготовленные для того, чтобы рвать человеческую плоть. Танки и искореженные механизмы уже, конечно были с полей убраны, но тех, кто находя мину или гранату, погибал по глупости, было много.

Вокруг нас были люди, прошедшие через горе и кровь, и добрее этих людей не было. Именно поэтому детство мое и моих сверстников – одно сплошное лето. Мы лазили во все сады, поля и огороды, нас закармливали ягодами и фруктами, возили на всяческие экскурсии. Теперь я понимаю, что тогда вокруг нас, ребяташек, было сплошное поле любви людей, прошедших через смерть, голод, через страшную, невиданную Войну.

Домик наш был казенным, он стоял на самом краю села, у железнодорожного переезда. Все поезда были наши, и перестук вагонных колес, может быть уже тогда заложил во мне тягу к путешествиям.

Домик был казенным, это было здание почтового отделения, где мама была начальником. В этом домике у нас было две комнатки.

За домиком, со стороны железнодорожной ветки, были густые заросли сирени и небольшой палисадник. Рядом было поле, где иногда сажали ячмень. В лунную ночь мы с мамой выходили к этому ячменному полю, почти созревшему, и я видел поразительную картину: поле под слабым ветерком, превращалось в серебряное море, таинственное и прекрасное.

Ребята стреляли из рогаток, и я соорудил такую же себе. Сначала стрелял куда попало, по деревьям, по воде, проходящим грузовым вагонам. Забравшись в палисадник за домом, увидел воробья, выстрелил и попал, воробей упал и не шевелился. Я взял его в руку и неожиданно для себя так испугался что он умер, что бросил рогатку и осторожно стал его трогать.

Воробышек был малюсенький, теплый и сердечко билось, он встрепенулся у меня в ладони, неуклюже затрепыхался, опомнился и полетел. Такая радость и облегчение пришли ко мне в душу – не передать! Я представил, что мог бы убить его, и мне стало страшно. Вот так, через глупый опыт, ко мне стало приходить понимание, что мы здесь не для того, чтобы убивать, только чтобы любить.

Мы с ребятами бегали вдоль железнодорожного полотна, разглядывали поезда, завидовали тем, кто в них едет, и я не догадывался тогда, что это та самая ветка, та самая дорога, по которой я поеду и к дружбе, и к любви, а потом к горю и разлуке, о том, что я буду спустя десятки лет снова и снова смотреть на домик у переезда, где было только лето, а зимы не было совсем.

Как я бросил навсегда пить водку

Отца своего я почти не знал. Он умер, когда мне было восемь лет. Помню только, что был он человеком добрым и неглупым. К тридцати годам отец дослужился до капитана Советской Армии, у него были прекрасные перспективы, его рекомендовали на учебу в академию.

А сгубила моего отца пьянка. Дело не в том, что мне жаль упущенных возможностей, которыми я бы, несомненно, обладал, не пойдя мой отец на поводу у своей слабости. Мне конечно, очень не хватало его поддержки и совета, иной раз просто его защиты, его рук в детстве и юности. Но я верю, что случайностей просто не бывает, все события в жизни человека абсолютно закономерны, и если я рос без отца, значит, тому есть основания, и, не пройдя моей дороги, я не усвоил бы уроков, которые непременно должен был усвоить.

Я хочу разобраться в причинах, по которым семья и страна лишилась хорошего человека и защитника, в будущем, возможно, замечательного специалиста. В причинах, по которым миллионы людей деградируют, теряют человеческий облик и гибнут.

До того, как стать офицером, отец был обычным парнем из Батайска, городка близ Ростова-на-Дону. Семья жила бедно и голодно в послевоенные годы. Почему же у них было принято ставить бражку и гнать без конца самогонку? Почему же детям наливали это пойло?

Оправдать этих людей можно. Они были неграмотны и подвержены сильнейшему давлению извне, хоть это давление, существующее до сих пор, вуалируется и замалчивается. Так называемая «традиция русского питья» насаждалась и укоренялась всячески, искусственно, годами, десятилетиями, если не столетиями.

Цены на алкоголь занижались и пьянство поощрялось, гласно и негласно.

Почему же это происходило и происходит? До чего мы дошли? Над людьми, выбравшими трезвость, выбравшими возможность развивать разум и видеть все в реальном свете, над этими людьми смеются, их считают белыми воронами, некоторые из них вынуждены оправдываться выдуманными болячками.

Все перевернуто с ног на голову. Порок и глупость считается нормой, а тех, кто хочет разбудить глупцов, подвергают остракизму.

Алкоголь убивает клетки мозга – нейроны, под воздействием этого яда клетки крови слипаются в комочки и не могут пронести к нейронам кислород. Это давно доказано.

В чьих же интересах, чтобы люди глупели, чтобы дети лишались отцов, а страна защитников, врачей, ученых, художников, композиторов, которые просто не успели узнать о своем таланте, призвании и предназначении? В чьих интересах цинизм, возведенный в степень?

В 1989-м году я бросил пить водку. Нельзя сказать, что я до этого сильно «употреблял». В основном за компанию, «по поводу», коим, как известно, нет числа. Меня угнетало это состояние беспомощности, добровольный отказ от разума.

После очередной встречи Нового Года, это было на Чукотке, в общежитии, после вида всего этого свинства и бардака, я дошел до своей границы, когда необходимо было принимать решение.

Сама мысль о том, что могу и должен принимать решения, тем более, когда они касаются моего разума, его возможностей, сама эта мысль стала поворотной и революционной. Я считаю себя православным христианином, хоть наверное и не делаю все так, как предписывает канон.

Все мы рождены с задатками разума, с искрой таланта, и наша задача развивать эти задатки и не погасить эту искру.

Счастливы те, с кем в детстве, юности были рядом люди, знающие эту простую истину и сумевшие ее подсказать и донести.

Мы здесь, чтобы пройти свою дорогу и получить свой урок, чтобы сдать экзамен на силу духа, на верность совести, экзамен на развитие способности мыслить и совершенствование разума.

Нас осаждают слабости и соблазны, нас окружают иллюзии, отчаяние от потерь и поражений пытается сбить нас с ног, но мы должны держаться несмотря ни на что и идти дальше, только вперед и вверх.

Каждый должен узнать, что ему дарованы Богом разум и талант, и, если человек не отступит, не откажется добровольно от этих даров, они рано или поздно откроются ему и он узнает, что сопротивлялся отчаянию и противостоял слабостям не напрасно.

Нас пытаются запугать, сделать безвольными марионетками наших страхов и дергать за эти ниточки, используя по полной программе. Юношу вынуждают пить – Ты что, не мужик? Попробовать наркоту – Что, боишься? —

Нас дергают за наш страх потерять работу, жилье, за наш страх показаться несостоятельным, неудачником, за страх потерять здоровье, привлекательность, за страх перед смертью. Нам пытаются «втюхать» мнимые, призрачные ценности, ничего общего с истинными ценностями не имеющие.

Гордыня и самолюбие, жадность, зависть и похоть управляют нами, а мы считаем себя хозяевами своей воли и, что еще более смешно, судьбы. Нас дергают за эти веревочки наших пороков и мы бездумно совершаем ошибки.

Кто из нас в юности знает или хотя бы догадывается о зависимости от своих слабостей, о подверженности им? Многие ли могут или хотят, даже узнав об этом рабстве, порвать эти путы?

Иллюзии туманом укутывают и убаюкивают нас, силы кажутся неисчерпаемыми. Приверженность добродетелям высмеивается, наше безверие и незнание не беспокоят нас и висят над головой дамокловым мечом. И только совесть, если мы не предали ее, стучится в сознание, будит его и заставляет думать.

Удастся ли кому-нибудь спрятаться от неприятной, пугающей действительности за алкогольным туманом? Разве удастся нам спрятаться от своих страхов, потакая своей трусости?

Не поддавайтесь слабостям и страхам, не позволяйте им взять над вами верх.

Не дайте повода веселиться тем, кто наживается за счет нашего разума и таланта, за наши же деньги отнимая у нас возможность становиться сильнее духом, разумом и волей день ото дня.

Лишите их этой гнусной радости.

Разум и мудрость не дается Господом сразу, это происходит постепенно, если человек готов за них бороться и если желание обрести их истинно.

Эта дорога нелегка и искренность намерений требует доказательств, но это единственная дорога к избавлению от страхов и иллюзий, единственная дорога к настоящей свободе Духа, к Правде, к Богу и к жизни, обещанной нам нашим Господом, за верность и мужество.

Повезло ли мне с одноклассниками?

На въезде в Крым со стороны Запорожья и Мелитополя, сразу за Чонгарским мостом, расположился маленький городок, зовут его – Джанкой. Городок этот устроился в степи, на перекрестке дорог, и прекраснее, дороже этого городка, для меня нет на свете.

Говорят, что он пыльный, говорят, что захолустный, еще говорят, что это большая деревня...

Но я вырос здесь, здесь учился, здесь обрел истинных друзей, здесь любил, возвращался сюда из каких-то невероятных далей, расстояний и отрезков времени, ждал встречи, нетерпеливо выглядывая из окна вагона, предвкушая, как после долгих лет почувствую запах сивашских солончаков – значит, я снова дома.

Есть в моем городе школа №6, я там учился с 5-го по 10-й класс. Сейчас, когда я пытаюсь посмотреть в прошлое, на 37 лет назад, в 1977-й год, год, когда мы окончили школу, я понимаю, как мне повезло, конечно, если подразумевать под словом «повезло» Божью милость. Так вот, именно по Божьей милости я попал в 5-й класс «Г».

Сейчас, по прошествии десятков лет я отчетливо понимаю, что попал в самый лучший класс, к самым лучшим одноклассникам на Земле.

Класс наш ничем особенным не отличался – и успеваемостью и поведением, разве что пацанов в нем было больше, чем девочек. Но самое главное, никогда и никого у нас в классе не обижали и не унижали, я не могу такое припомнить.

Меня приняли доброжелательно и приветливо, я «влился», и все было наверно как у всех: учеба, экскурсии, походы за грибами, рыбалка, конечно, баловство, конечно, драки.

Вскоре я сдружился с двумя ребятами Виталием Стрельчуком и Володей Пустоваловым мы всюду были вместе, хохотали над каждой ерундой до упаду и даже на экскурсии в автобусе ездили втроем на двух сиденьях. Дружба наша незаметно крепла, теперь я думаю, что ребята из класса немного завидовали нам и прозвали «святой троицей». Был в классе, конечно, и неформальный, как теперь говорят, лидер.

Им был Саша Лементовский. Саша был на год старше большинства из нас и более физически развит. Кроме того, его старший брат был близко знаком с людьми, прошедшими огонь и воду, поэтому авторитет Лемента, как мы его звали, был непререкаем.

Может, в силу его характера или из-за лидерских амбиций, у Саши не было очевидных друзей, и он почему-то взял меня под свою опеку. Я сопровождал его иногда в поисках приключений. Много раз он меня выручал и спасал от, казалось, неминуемого мордобоя. Когда мне предстояла драка и он видел мою неуверенность, так как я был заведомо слабее, Саша говорил мне просто и внятно: «Не бзди!»

Я старался.

Саша Лементовский умер от наркотиков, не дожив до 30-ти лет. А я всю дальнейшую жизнь, когда предстоит что-то серьезное, вспоминаю его короткую, емкую фразу и иду дальше.

С Володей и Виталей нас жизнь тоже позже разбросала. Володя поступил в военное училище, потом служил на Востоке, и мы на время потеряли с ним связь.

С Виталей мы потеряться не могли, как бывает между людьми с родственными душами, и, даже если находились далеко друг от друга, переписывались, перезванивались. Был ли я на Чукотке или на Колыме, во Владивостоке или Чите я получал от него, пусть и редко, весточки, смешные письма, у Витали был необыкновенный талант веселить людей, иногда в ущерб собственному здоровью и настроению.

В конце письма, он обычно добавлял одно слово: «Держись!»

Когда я приезжал на полуостров, домой, мы встречались и говорили ночи напролет.

Не все об этом догадываются, но у каждого человека есть предназначение. Я думаю, что часть моего предназначения – это хоть немножко рассказать о замечательных людях – моих одноклассниках и друзьях, дарованных мне Судьбой.

Виталья Стрельчук, один из самых лучших людей на Земле, умер в 40 лет от опухоли мозга, прожив после операции 7 лет.

И Виталья и Саша иногда приходят ко мне во сне, и, проснувшись, я благодарю Бога и за эту ночь, и за этот сон.

Я помню и люблю всех своих одноклассников, многие уехали, есть и те, с кем встречаемся в городе, как я и говорил, самом прекрасном городе на планете. На шестом десятке я понял, что человек становится богаче и сильнее не только от приобретений, но и от потерь, как это ни странно.

В любой момент, когда мне это необходимо, я отчетливо слышу, как один говорит: «Держись Аркаш!» А второй добавляет: «И не бзди!»

О снах и об иллюзиях

Сегодня, 29-го июня 2014-го года, мне приснилось, что ты снова любишь меня.

С момента разлуки прошло 9 лет, и боль, которую я пережил с огромным трудом, боль, чудом не убившая меня, свернулась клубком и улеглась где-то внутри, она не ушла, но стихла, и я привык к ней, даже был ей благодарен за то, что позволила мне увидеть реальность, многому научила и сделала сильнее.

Люди по-разному относятся к сновидениям. Масса умников, самостоятельных и отягощенных званиями и «знаниями», поспешат высокомерно ухмыльнуться, они всегда готовы рассказать столько поучительного. Но, честно говоря, мне на это плевать.

Сегодня ты снова любила меня, и я знаю, что это правда. Ты ждала моих слов и искала глазами мои глаза. Неискренность ушла, ее просто не было, не было недомолвок и попыток довлеть, доминировать.

Девять лет прошло – и у тебя ко мне осталась только Любовь.

Время неумолимо, и ты отмела весь мусор, все никчемное и пустое.

Девять лет прошло – и ты простила меня, мою глупость, мои слабости и ошибки, я понял это по тому, как ты говорила со мной и смотрела на меня. Ко мне пришли облегчение и радость.

Я думал, что забыл о тебе, перестал верить женщинам и читал каждую, как открытую книгу, превратившись в хладнокровного наблюдателя, как смешны, оказывается, все их уловки. Как глупы они в своих попытках манипулировать, применять в человеческих отношениях «товарно-денежный» принцип, и как грустно, что большинство из нас не знает самого простого и главного – настоящая сила приходит к человеку только тогда, когда он начинает любить истинно, ничего не требуя взамен, эту силу никому уже не отнять и не победить.

Способны ли мы отличить любовь от животного инстинкта, а искренность от ее подобия? Есть ли в нас воля, чтобы выбрать первое, несмотря ни на что, и отбросить второе? Потому что мусор исчезнет и сгорит, а Любовь будет жить.

Ты была в другой стране, и была замужем. Ты приходила ко мне только во сне, но своей манере общаться не изменяла, иногда дразнила меня, иногда была более снисходительна, но всегда только снисходительна. Ты сильна, знаешь это и веришь в возможности своей силы. Но я, к своему собственному удивлению, даже во сне ни разу не поддался на твои провокации. Я выл от боли, просыпался в слезах, но не сделал к тебе ни шагу – ты это знаешь.

Вы приходили ко мне и вдвоем с Виталей, это было много раз, я воспринимал это абсолютно нормально, ведь вы были вместе, и должны быть вместе. Я никогда бы не предал его, это значило бы предать самого себя.

Виноват ли я, что полюбил жену своего покойного друга?

Мы любили и будем любить одного человека. Он ушел из этой жизни, но это абсолютно ничего не меняет – «Любовь никогда не перестает...»

Чем больше от нашего расставания проходило времени, тем меньше льда было в твоих глазах, когда ты приходила ко мне во сне. А месяц назад, когда я ехал в Белоруссию, прямо в вагоне мне приснилось, что ты снова добра и искренна со мной (кому смешно, тот пусть посмеется), я был очень удивлен и рад этому, потому что понял, что что-то произошло и изменилось в твоём отношении ко мне.

Я благодарен тебе за каждое мгновение, что мы были вместе, за нежность, которая, быть может, предназначалась не мне, просто я оказался рядом. За все наши ночи и дни я благодарен тебе, потому что ты дарила искренне и это теперь мое.

Я благодарен тебе за эти сны и твою Любовь, которую я чувствовал впервые за столько лет и которая не может быть неправдой. Я знаю, ты придешь снова, я жду тебя, а то, в какой реальности это происходит, может обмануть другого, но не меня.

Случайностей не бывает никаких, случайности для глупцов. Ни разу за всю жизнь ни один человек во сне не вел себя со мной так, как не вел себя в реальности.

Хотя, что есть реальность?

В реальности ли мы все ходим, работаем, переживаем, укутавшись каждый в свои иллюзии, послушно выполняем свои дела и обязанности, подчиняясь ниточкам-страхам, за которые нас дергают?

Я знаю, что ты снова любишь меня и помнишь. Любовь не разменять на пятаки и не купить. И смерть не значит ничего, ей не победить Любовь. Все мы не зря ищем и ждем ее, она того стоит.

Апостол Павел, в Евангелии, в первом послании к коринфянам, сказал о Любви так, как не скажет никто из людей, потому что устами Апостола говорил Господь: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...»

Мы не будем вместе, но это не имеет значения. Главное, что твое отношение ко мне изменилось, в этом меня никому не переубедить. Это и есть реальность, которую каждый узнает сам.

Так что же такое – Родина?

Тебе будет проще ответить на этот вопрос, если ты был от нее вдали, если просыпался на чужой земле и даже деревья этой земли казались тебе чужими. Тебе будет гораздо легче оценить город или поселок, где ты вырос, если ты, прельстившись дальними горизонтами, побываешь за ними. Так было со мной, и я, конечно же, не первый «прозревший».

Родина, это ветер, пахнувший травами твоего детства, пение твоих птиц, это твои звезды ночью и твои облака, это деревья, которые помнят тебя маленьким.

Родина – это пшеничное поле, его запах, который тебе не забыть, ты поймешь это, если придешь на это поле после дорог, по которым ты колесил, тут же, каким-то необъяснимым образом, ты поймешь, что и поле помнит тебя и теплые колосья в твоей ладони все перевернут в твоей душе.

Родина – это твой туман утром, над твоей землей, ласковый прохладный туман, за которым встает твое солнце, это твои речка или озерцо, озеро или море, мягкую воду которых ты помнишь на ощупь.

Это твое теплое, самое синее небо, с твоими, звенящими в вышине жаворонками.

Родина – это твои одноклассники, знакомые, соседи, которые помнят тебя, кивают тебе, слушают тебя не только из вежливости, это друзья, лучше которых нет на Земле, и ты счастлив, если они живы, а если нет – они приходят к тебе во сне, и от этого ты счастлив наутро.

Родина – это глаза твоей матери и огонь ее любви, который полыхает в твоём сердце, зажженный ее рукой, ее воля, ставшая твоей, ее мужество, которое в тебе не сломать никому и никогда.

Родина – это купола наших церквей, это совесть и праведность наших святых старцев, живых и ушедших. Это правда и справедливость, которые всегда были душой нашей России.

Это то, что внутри нас, как стальной стержень, который никому не отнять и не согнуть, пока мы верны совести и стараемся следовать Божьим заповедям.

Родина – это не продажные чиновники и полицейские, не разнокалиберное ворье, которое по своей глупости не видит краев и не знает о совести. Не путай Родину с этим отребьем.

Родина – это люди твоей страны, люди, на которых эта страна держится, ее совесть и цвет. Они стоят за твоей спиной и ты знаешь, что они тебя не предадут, а ты не предашь их. Это и есть – Родина.

Говорил ли ты твоему полю, твоей траве и твоим деревьям, твоей речке, твоему небу, твоим друзьям и твоей матери, говорил ли людям, которые около тебя, говорил ли твоей земле, что они лучшие, что ты любишь их? Пусть негромко, вполголоса, пусть про себя и неслышно, говорил ли?

Попробуй это сказать им, им всем и все начнет меняться, ответная любовь накроет тебя с головой, и ты будешь самым счастливым человеком на своей Земле.

Скажи это сейчас, говори это каждый день, чтобы наверстать все дни, что упустил, чтобы не опоздать и не пожалеть об этом потом.

Поверь, дружище, Родина очень ждет твоих слов, твоей любви.

Гостиница «Колыма»

Летом 1986 года, после безуспешных поисков работы в Якутске, я с двумя случайными знакомыми, парнями из Челябинска, прилетел в маленький поселок в среднем течении Колымы, который так и называется – Среднеколымск. Не знаю почему, я давно хотел побывать на Колыме, я полетел бы туда и один, был настроен, а ребята просто присоединились. Несмотря на предвкушения и ожидания, река поразила величием, мощью и первозданным буреломом по диким берегам. Лица немногословных людей, обветренные и будто вырубленные, лишенные, как показалось, мягких черт и от этого как-то по-особенному выразительные, тоже произвели впечатление.

Нам показали дорогу к гостинице, идти было недалеко, мы быстро нашли ее, она называлась «Колыма». Мест не было, мы в растерянности столпились у конторки администратора, потом вышли, стали у входа, не зная, что предпринять. Через некоторое время проходящий мимо пожилой человек спросил нас в чем дело. После объяснений он вошел к администратору, и вскоре нас позвали. Человек оказался председателем поссовета и уговорил женщину за конторкой уложить нас на раскладушках в холле на втором этаже. Мы конечно обрадовались, поблагодарили этого равнодушного человека и занялись устройством ночлега.

Утром раскладушки убрали, потому что в холле стоял телевизор и смотреть передачи собиралось иногда много народа. Водопровода, а стало быть и туалета в гостинице не было, умыться можно было в отдельной комнате на первом этаже, там стояло несколько двухсотлитровых бочек с колымской водой, умывальники с «пипочками» и зеркалами. В туалет же приходилось бегать на улицу, там был обычный дощатый «скворечник».

Ночью, выбегая по надобности почти в нижнем белье и обуви на босу ногу, можно было наблюдать за слабо освещенным стеклом конторки администратора ритмичные недвусмысленные движения, сопровождающиеся нечленораздельными звуками, – жизнь продолжалась.

Обедать мы ходили в местную столовую, кормили там замечательно, и меню было, на удивление, разнообразным.

Время шло, с работой не получалось, была уже середина июня, а мы еще никуда не устроились. Мои новые знакомые стали поговаривать о том, что придется видимо улетать несолоно хлебавши, но я улетать не хотел, все надеялся, что мы что-нибудь найдем.

Как-то вечером мы стояли у входа в гостиницу. Мужики курили, я стоял просто за компанию, было нас человек пять. Была теплынь, и даже комарики сильно не беспокоили. Мы о чем-то болтали как обычно, и вдруг... Это случилось вдруг и все мы замерли.

Рядом с гостиницей был такой же двухэтажный жилой деревянный дом, и на кухне первого этажа этого дома, за занавеской, засмеялась женщина. Я думаю, что никто из нас, стоявших тогда там, никогда не забудет этот смех. Смеялась совершенно счастливая женщина, ее смех, мелодичный и звонкий, порастил нас всех, как неземная музыка. Ни до ни после я не слышал такого смеха. Мы напрочь забыли и о куреве, и о болтовне и как замороженные слушали. Женщина за окном смеялась – и не было ни умывальников с «пипочками», ни туалета на улице, не было похотливой администраторши, сальных анекдотов, пустой, никчемной болтовни. Женщина смеялась – и каждый из нас понимал, что оказывается Счастье возможно и Надежды осуществимы. Женщина смеялась – и никто из нас не мог пошевелиться. В ее смехе не было ни лукавства, ни лицемерия, ни лжи, ни тем более коварства. Смех ее состоял из любви и счастья. Этим смехом она могла наградить, и каждый мечтал бы о такой награде.

Женщина смеялась, и этим открывала нам истинную суть этой жизни, суть истинной любви. Она перестала смеяться, мы еще несколько секунд стояли неподвижно, потом молча переглянулись; все мы были поражены и смущены, все мы, всего за несколько мгновений изменились и теперь прежними, уже не станем.

О зеленой воде речки Чирчик, и не только

В 1984-м году я работал механиком пятивагонных рефрижераторных секций. Такая секция – это 4 грузовых вагона-термоса со встроенными холодильными установками, плюс один вагон с жилым кубриком, душевой, кухней, аппаратной и помещением для дизель-генераторов. Мы по полтора месяца, а то и больше, колесили по Советскому Союзу, перевозя продукты туда, где они были необходимы.

В начале лета нас отправили в Узбекистан, через Троицк и Чимкент мы попали в окрестности Ташкента, на маленький полустанок у речки Чирчик. На полустанке был организован запасник для рефсекций, то есть несколько десятков секций с экипажами ставились на запасные пути и ожидали созревания, например, винограда, а уже после начала сбора плодов, ягод, грузились ими и отбывали туда, где этот виноград ждали в Сибирь, или на Урал, или в среднюю полосу России.

Вот в такой запасник мы и попали; знающие люди сказали, что мы простоим не меньше недели.

Делать в запасе особо нечего, экипажи состояли в основном из трех человек, один попадал на дежурство через двое суток. Дежурный отвечал за уровень электролита в батареях, их подзарядку и готовил что-нибудь покушать. Те, кто был от дежурства свободен, занимались своими делами, можно было позагорать и побултыхаться в речке или порыбачить, поехать на самостоятельную экскурсию в Ташкент или просто сидеть и рубиться в карты.

Стояла сильная жара, днем было за сорок, мы спасались как могли. На ночь некоторые укрывались мокрыми простынями, другие догоняли в одном из вагонов температуру до нуля, к вечеру приоткрывали грузовую дверь и, когда температура становилась приемлемой, залезали в вагон с матрацами и бельем и спали там. Посадка неподалеку, была полна абрикосовых деревьев, и они были усеяны плодами. Я за считанные часы насобирал несколько ведер и выложил их на крышу вагона сушить. Правда, если бы я знал, что экипаж соседей алкоголиков на следующий день сопрет мои абрикосы и поставит из них брагу, я бы не стал так стараться.

Рядом были хлопковые поля, их обрамляли сетки из арыков, вода в арыках оказалась совсем прозрачной, и я в первый раз в жизни наблюдал, как гадюка охотится в арыке на маленьких карасиков. Змея сжималась под водой в пружину, и, завидев рыбку, молниеносно распрямлялась, я даже не успевал увидеть этого движения, видел я уже гадюку с карасиком в пасти.

Сам же я столкнулся с большущей змеей, когда пошел на широкий арык мыть голову. Мы все ходили на это место мыться, там арык был шириной больше двух метров, глубина же была не выше колен, было удобно.

И вот, когда я стоял на середине и намыливал голову, я явственно услышал шипение, посмотрел в сторону звука и обомлел: напротив меня, на другой стороне арыка, на корнях подмытого дерева лежала большая гадюка, смотрела на меня и шипела. Вряд ли я что-то сообразил, просто инстинктивно сделал шаг в сторону, как будто понял, о чем говорит мне змея. В ту же секунду гадюка прыгнула в воду и вплавь пересекла арык именно в том месте, где я стоял.

После этого случая мое мировоззрение и отношение к животным, какими бы они ни были, сильно изменилось, почему-то вспомнились сказки и возник вопрос – а все ли сказки таковыми являются?

Наши соседи по секции, механики, в свободное время ходили на рыбалку и умудрялись приносить по полведра рыбы, закипала меновая торговля, менее удачливые рыбаки обменивали на рыбу другие продукты. Ходил на рыбалку и я, но больше одной рыбины мне поймать не удалось.

В речке Чирчик очень красивая, зеленая и прозрачная вода, она течет прямо с гор. Вокруг речки в том месте нарыто много карьеров и котлованов, больших и маленьких, из них добывали песок для Ташкентских заводов ЖБК (железобетонных конструкций)

Еще мы ходили на берег Чирчика загорать и купаться. Через речку с запасника был переброшен железнодорожный мост, мы располагались недалеко от него, на красивой песчаной отмели.

Как-то я, пересыпая песок из ладони в ладонь, заметил среди песчинок золотистые, необычные крупинки, они были очень маленькие, но блестели, как золото. Я поделился с лежащими рядом ребятами, мол, надо же, блестит как вот если бы это было золото, вот бы мы намыли, ведь стоим уже в запасе почти две недели. Все посмеялись и забыли об этом разговоре.

Вспомнил я о нем через несколько лет, когда мы прилетели в устье Колымы, в поселок Черский по вызову на навигацию, грузчиками.

Мой земляк, парень из Новой Каховки Юра Коваль собирался, как и я, оставаться после навигации в Черском, и, чтобы можно было вызвать семью, купил маленький домик на окраине поселка. А пока его жена с детьми не прилетели, мы решили устроить в этом его маленьком новоприобретенном доме вечеринку, потому что навигация заканчивалась и вскоре нам предстояло со многими расстаться. Девчонки приготовили еды, мы притащили музыку и устроили танцульки. В этом доме, кроме телевизора, ничего не было, и между танцами я увидел новости. Корреспондент с воодушевлением говорил, что близ города Ташкента, на реке Чирчик открыто богатейшее рассыпное месторождение золота, и самому ему удалось без хлопот намыть 3 грамма за десять минут. Правда, сетовал корреспондент, все эти годы в этом месте велась активная выемка песка для нужд завода ЖБК, и сколько панелей из этого песка сделано и домов построено, не знает никто.

Моя личная бухта

Люблю ли я море? Можно просто сказать, да, люблю, ничего при этом не сказав. Но я крымчанин, у меня особые отношения с этой субстанцией, с этим миром. Все моря взаимосвязаны и это единый организм, а самая близкая его часть, близкая мне, конечно Черное, мое любимое море.

Я привыкал к нему и влюблялся в него незаметно для самого себя. Снова и снова приезжая к нему, узнавая его характер, привычки и ритм движений, я становился человеком преданным ему, скучал, ждал встречи и стремился эту встречу приблизить.

Сначала я приезжал только за ощущениями, которые море мне дарило, ощущение невесомости и полета, ласковых, теплых прикосновений и главное – ощущение поддержки, мягкой и надежной. Многие усомнятся – поддержка зыбкой воды? Усомнившиеся не знают, что море отвечает на доверие – поддержкой, а на любовь – заботой и помощью. Недоверчивым предлагаю попробовать и убедиться.

Так вот, сначала я приезжал за ощущениями, как и большинство, – молодости присущ эгоизм. Но чем больше проходило времени с момента моего знакомства с морем, тем больше я хотел просто повидаться, послушать его голос.

Расставания бывали долгими; если я не мог приехать несколько лет, ожидание становилось невыносимым, усталость угнетала, с расстояния в десять тысяч километров с северо-востока, я смотрел на юго-запад, вслед садящемуся солнцу, в сторону своей земли и своего моря, и готов был идти туда пешком.

Но приходило время встречи и радости. Мой берег и мое море ждали меня и узнавали. Скажете, я сентиментален? Прошли ли вы мою дорогу, чтобы ставить оценки?

И море, и скалы, и лес чувствуют ваше к ним отношение, понимают намерения, и скрыть ничего не удастся. С каждым новым моим приездом чувство признательности и любви к моей природе и моему берегу, моей Родине росло и стало прорываться наружу, я признавался мысленно и вслух в этой любви, и ответная, огромная волна любви накатывала и поглощала меня.

И я становился единым целым с этим моим пространством, его объем все возрастал, и пришла уверенность, что вся моя огромная – маленькая планета связана со мной крепко-накрепко, слышит меня и отвечает мне.

Думаю, что у каждого человека есть такое место, или места, как пел Игорь Тальков, без которых мы не представляем своей жизни. Для меня на любимом полуострове таким местом давно стала бухта Ласпи. Если вам приходилось бывать там, хотя бы проездом, вы легко поймете меня. Но дело, конечно, не только в красоте этого места; в этой бухте живут мои воспоминания, живет моя любовь и настоящая дружба, там остались и всегда ждут меня самые лучшие дни, самые звездные и счастливые ночи. Деревья и трава, скалы, камни и, конечно, море знают меня, и это не преувеличение.

В 1978-году мы с моим другом Виталием Стрельчуком должны были идти в армию, и до призыва оставалось совсем немного времени. Мы решили хоть на недельку съездить на море, уволились с работы и в двадцатых числах августа, нагрузившись рюкзаками, выехали в Ялту. Ехали мы наобум, никакого определенного места на берегу у нас не было, не было и знакомых, которые бы нас там ждали. Размышляли мы незамысловато: приедем в Ялту, найдем местечко для палатки и ну бултыхаться!

Приехав, с удивлением обнаружили, что палатку поставить негде, потому что все побережье у Ялты поделено между пансионатами, домами отдыха и везде проволочные заборы. Приближался вечер, нужно было искать место для ночлега, мы решили сдать вещи в камеру хранения, добраться до Никитского ботанического сада и там переночевать.

Так мы и сделали: нашли в саду укромный уголок с огромными секвойями и улеглись спать под одной из них. Наутро нужно было принимать решение, а мы не знали, куда ехать. Но, пока мы плыли на катере от Ботанического сада до Ялты, незнакомый парень, узнав о нашей проблеме, предложил нам съездить в Ласпи. До сих пор удивляюсь этому событию и благодарю Бога за то, что Он послал нам этого человека.

Выехать из Ялты нам удалось только к вечеру на попутном автобусе, и в бухту мы добрались, когда уже совсем стемнело. Автобус остановился под большой вертикальной скалой, мы сгрузили рюкзаки, оказавшись, после того как автобус уехал, в полной темноте. Из-под скалы неслись какие-то крики, мы тогда не знали, что это веселились альпинисты, у которых там постоянное место ночлега после дневных тренировок на скале.

Внизу угадывалось море; спуск был долг и крут, но мы были полны задора и каким-то чудом прошли его без травм, пожертвовав лишь ручкой настройки на транзисторном приемнике. Пробираясь сквозь бесконечные кусты, камни и колючки, мы буквально вывалились на какую-то дорожку, на одной стороне которой люди отдыхали у костра.

Перейдя на другую сторону, в лес, мы решили там заночевать, поскольку, спускаясь без тропы, все были в ссадинах, царапинах и колючках. Надув матрац, он был один, мы улеглись на него головами к центру. Заснули мы с чувством зависти к соседям за дорогой, кричавшим: «Кому еще шампанского?» У нас же на двоих была только бутылка пива, которой, впрочем, тоже уже не было.

Проснувшись, мы оказались в другом, зеленом мире, с теплыми скалами, синим морем, бирюзовым небом и запахом, который тоже стал моим на всю жизнь. Известно, что запахом можно накрепко привязать события к сознанию, к памяти – подтверждаю это. Всем, кто прочтет эти строки, предлагаю побывать в моей бухте и вдохнуть этот воздух. Запах Ласпи необычен, это смесь можжевельника с дубом, морем, карагачом, на правой же, солнечной стороне бухты к ним добавляется фишашка и бесстыдница, или земляничник мелкоплодный. Забыть этот аромат невозможно, да и не нужно, он прекрасен.

Найдя площадку у моря, мы провели чудесную неделю, окончательно влюбившись в бухту и пообещав друг другу, что, если вернемся из армии благополучно, приедем сюда снова с друзьями и подругами. Слава Богу, так и случилось: в 1981 году мы снова были в бухте с подружками, ставшими позже нашими женами, и друзьями нашего детства. С тех пор мы старались собираться в Ласпи каждый год; это получалось не всегда и не у всех. Хотите верьте, хотите – нет, прошло 36 лет и я каждый свой отпуск стараюсь провести в моей бухте.

Там многое, конечно, изменилось, часть берега загородили и, где раньше мы свободно проходили к морю, теперь заборы и охрана, но все равно, слава Богу, есть свободные участки и палаточные лагеря. У меня в бухте несколько стоянок, я всегда стою отдельно, в лесу, без гомона и мусора, с птицами, травами, деревьями и тишиной.

Старые друзья и родные люди, оставшиеся в живых, и друзья новые, как и мы, влюбленные в Ласпи, приезжают на берег, и мы стараемся встречаться, потому что изменить тому, кого любишь, тому, что любишь, невозможно, да и не нужно.

16-я рота

Жизнь бывает неустроенная и наоборот, обеспеченная и не очень, бывает яркая и спокойная, а есть еще жизнь казарменная. Я это знаю, потому что когда-то такой жизнью жил.

Старшина Пикалев, а для меня просто Ваня, стучался в дверь радиостанции и, когда я открывал, хитро прищурившись, говорил: «Со следующей недели заступаю», – делал паузу и ждал. В этот момент я должен был кивнуть и сказать: «Совпадает». И я так и делал. Это означало, что через несколько дней, к вечеру, ребята из нашего призыва могли спокойно собраться после отбоя в столовой нашей роты и под свеженажаренную картошку слушать музыку и говорить вдоволь, потому что Ваня заступал в наряд, а я в ночные дежурства по станции.

Это была отдушина: мы были среди своих и ночь принадлежала нам. Мы рассказывали друг другу свои коротенькие истории, нам было легко, как равным среди равных. Приближающийся дембель никто уже не мог остановить, на сердце было тепло.

Ваня Пикалев не всегда был старшиной, я запомнил его младшим сержантом, когда вдвоем мы ехали несколько часов из Ростова в кузове Газ-66 к месту постоянной службы. Учебные курсы, с их беготней и нервотрепкой, остались позади, Ваня получил лычки младшего сержанта, а я – «корочки» радиста. Впереди была неизвестность под названием 16-я рота, мы ехали по сальским степям и незаметно становились друзьями.

Ваня любил поозорничать, мы оба знали, что, когда наши ночные дежурства совпадут по времени, мы, как два кота, пойдем лакомиться сливками. Благодаря заботам нашего командира питание в нашем подразделении было организовано превосходно, по сравнению с полковой кухней наше меню было разнообразным, сытным и вкусным.

Мы знали, когда в кладовую каптерки привозят фляги со свежайшим, несепарированным молоком. Наш каптер Саша Козлов, конечно, предусмотрительно запирает помещение, однако Ваня был еще предусмотрительнее, у него был дубликат ключа. Мы зачерпывали по стакану сливок и, наверно на самом деле, в это время были похожи на двух довольных котов. Саша Козлов однажды, видимо почуяв неладное, встал среди ночи и застал нас на горячем. Он смотрел на нас с осуждением, нам было стыдно, но недолго: Саша был нашего призыва и мы посмеялись от души.

С Сашей Козловым мы вместе учились на курсах радистов, но его отчислили за неуспеваемость, и он оказался в 16-й роте раньше меня. Для него должность каптера, то есть кладовщика, казалась спасением, потому что Саня был очень худенький, мы все удивлялись, как его такого взяли в армию. В учебке мы много бегали и Козлова всегда тащили, поддерживая с двух сторон и меняясь. В роте было еще два человека, отчисленных из учебки радистов, – мой друг Володя Руснак и парень из Молдавии Леша Иванов. Поэтому можно сказать, что мы знали друг друга все два года службы.

Когда свежего молока не было, Ваня доставал из ружпарка мелкашку и мы соревновались, кто первым погасит выстрелом горящую свечку, или кидали на точность ножи, или просто слушали музыку и отдыхали.

Нам очень повезло с ротным, кто знаком с изложенным ранее, поймет, что я имею в виду, употребляя слово «повезло». Такого ротного не было больше ни у кого.

Поскольку рота стояла особняком, в степном поселке, воду и ту привозили в цистернах, продуктами нас снабжали по армейским стандартам, ничего необычного. Двухэтажная казарма, со спальным помещением наверху, канцелярией, радиостанцией и каптеркой, еще конечно были кинозал, баня и сушилка. Все как у всех, все, да не все. Наш командир договаривался с вольнонаемными поварами из поселка и менял всякие ненужности из каптерки на яйца, молоко, фрукты, поселковые власти тоже помогали роте по просьбе нашего старшего лейтенанта. Скажете – ну и что? Но, кто служил тогда, думаю, меня поймет.

В помещениях роты всегда, в самые лютые морозы, было тепло и сухо, молодых никто не обижал – и в этом тоже заслуга нашего командира. Зовут его Владимир Николаевич Шмайлов, насколько я знаю, он слава Богу жив и живет сейчас во Владикавказе.

С пьянством Владимир Николаевич боролся жестко, например, когда прознал, что «дедушки» заныкали ящик «мухомора», так в ту пору называли дешевый портвейн, ротный построил нас на плацу, при всех вылил вино в ведра и приказал «дедушкам» этим портвешком вымыть туалет, контролировал сам.

Сейчас я говорю – Владимир Николаевич, а было то ему тогда всего 28 лет, и сейчас я старше него, тогдашнего, в два раза. Шмайлов был строг, но справедлив, никого зря не наказывал и не «сдавал». При нем в роте всегда было спокойно.

У него были, как и у всякого человека, недостатки, но не они лежали в основе нашего отношения к ротному. Он не был карьеристом, не был лицемером и лжецом, потому что равнодушие и презрение командира к солдатам не скрыть и не спрятать. Владимир Николаевич был суворовцем, офицером чистой воды, настоящим командиром. Он не позволял себе ни в чем и никакой расхлябанности, того же справедливо требуя от нас.

Кому-то он мог показаться высокомерным, но теперь я понимаю, что это было не так, просто он, осознанно или нет, ставил своей статью и выправкой, строгостью, планку, до которой нам стоило тянуться. Это абсолютно оправданно в ситуации, когда панибратство невозможно и преступно, а фамильярность не даст никаких шансов и желания ученику стремиться к совершенству учителя или командира.

Как я уже говорил, я был радистом, и при мне сменилось три начальника радиостанции. Первый сержант держал со мной дистанцию, но это меня даже радовало, потому что он не придавал большого значения совести. Последний начальник был младше меня на два призыва, и сначала мы находили общий язык, но потом он вспомнил, что сержант, и решил утвердиться за мой счет, стал жаловаться на меня ротному, доверия между нами как не бывало. Когда я уезжал на дембель, мы даже не простились.

Но был еще один начальник станции, с которым мы сработались и жили душа в душу, приехал он в роту осенью, с первого взгляда было понятно, что человек это веселый и безобидный, простой брянский парень с румянцем на щеках. Мы общались легко, по-дружески, Юра Фролов, так его звали, никогда не руководствовался субординацией, этим вызывая к себе уважение. У Юры было увлечение, он делал чучела птиц и наши обормоты в роте прозвали его чучелистом. Он не обижался и говорил: «Темнота! Не чучелист, а таксидермист.» Но это слово, видимо, было тяжелее запомнить, поэтому приклеилось первое.

Еще Юра был абсолютно нерасчетлив, плохо следил за языком и как-то после киносеанса что-то опрометчиво ляпнул в присутствии нашего ротного. Шмайлов сказал что-то вроде: «Смотри, Фролов, накажу!» Юрку же, видимо, снова кто-то дернул за язык и он ответил со смехом: «А мне, товарищ старший лейтенант, все равно, страдать, иль наслаждаться!» Он рассчитывал на чувство юмора, которым наш ротный, без сомнения, обладал, но, видимо, у Шмайлова был тяжелый день. Юра понял свою ошибку, когда назавтра попал в наряд, потом снова и снова. После недели нарядов он валился с ног и горько жалел, что вовремя не заткнулся.

Когда ротного не было, Фролов вбегал на радиостанцию и падал, как был, в одежде, на полушубок под батарею у окна и засыпал. Мы ставили человека на входе, чтобы Шмайлов не застал Юрку врасплох, и я будил своего сержанта, как только ротный подходил к воротам.

Владимир Николаевич Шмайлов, не отпускал Юрку из наряда больше недели, пока тот не убедился воочию, что разница между страданием и наслаждением все же есть. Юра, конечно, безмерно обрадовался, дал понять начальству, что осознал ошибки и приготовился к прежней, спокойной жизни, но это был еще не конец истории.

Мы часто бегали по тревоге, невзирая на погоду, при этом, по распоряжку действий, начальник радиостанции остается в здании роты и принимает сообщения от радиста, который бежит дистанцию вместе со всеми.

Выбегали мы обычно по полной боевой, и я, кроме всей амуниции, тащил на спине еще и 105-ю станцию весом в 16 кг. Мне было не привыкать, я к тому времени уже не курил и бежал многокилометровые марши в первых рядах. Но в одну, не совсем прекрасную ночь, когда мы, схватив автоматы, стояли на плацу, Шмайлов подошел ко мне и сказал, чтобы я поменялся с Фроловым местами. Когда я зашел на станцию и сказал об этом Юрке, он побелел, он уже забыл, как бегать по тревоге. Ничего не напишешь, Юрка напялил мою станцию, схватил подсумки, каску и автомат и выбежал на плац сам не свой.

Была распутица, и хоть бежали они по грунтовке, сапоги в такую пору становятся пудовыми. Ротный ехал сзади на бб-м, и когда рота, вся в грязи, ввалилась в ворота после десяти километров, назначенных командиром, ни Фролова, ни ротного на машине видно не было.

Через некоторое время все увидели смешное и печальное зрелище: Фролов тащился, едва передвигая сапоги с комьями грязи, а за ним, толкая его бампером в задницу, ехал Шмайлов.

Юрка не мог толком ходить несколько дней, все, завидев его, хохотали от души, но это все равно не превратило моего начальника в пессимиста.

Когда ребята в роте узнали, что мы с Фроловым оба очень любим гречневую кашу с мясом, было организовано соревнование по ее поеданию; не без гордости могу сообщить, что я победил, я съел шесть мисок каши, а Юрка только пять. Ну ладно, ладно, я четыре, а Юрка три.

Стрельбище находилось от роты в 6-ти километрах, мы бегом бежали туда, отстреливали положенное количество патронов и бежали обратно. Иногда ротный брал туда с собой маленького сынишку, давал ему пострелять.

Как-то после стрельбы мы побежали в расположение роты чистить оружие, наш командир с сыном остался на стрельбище, а шофера на Газ-бб с оружием и патронами послал в роту сдать все в оружейную комнату, под ключ. Чтобы проехать со стороны стрельбища к поселку и расположению роты, нужно было пересечь небольшую возвышенность и мост через канал, и когда наш шофер туда подъехал, он увидел, что со стороны канала по склону спускается стадо домашних гусей. Недолго думая парень остановил машину, вынул из кузова ручной пулемет и разнес гусей в клочья. Когда пулемет еще дымился, из-за пригорка с опаской вышел хозяин птиц.

Шофер конечно получил нехилую вздрючку, но все спустили на «тормозах», мы собрали деньги и заплатили за убиенных гусей, их было штук восемь, наши вольнонаемные поварахи вкусно накормили нас гусятиной досыта.

Мы с нетерпением ждали приказа министра обороны о нашей демобилизации, и я, как радист, отвечал за то, что сообщу всем его номер. Ребята считали дни и за спортгородком, в траве закопали большой котел с брагой, котел опустили в яму, закрыли крышкой, сделали фальшдно и завалили каким-то хламом. Наготове также были сковородки, яйца, картошка и сладости к чаю.

Долгожданный день пришел, и мне из штаба полка передали номер дембельского приказа. Я выбежал и сообщил его ребятам. Мы тихонько прокричали ура, потому что ответственный по роте офицер еще не ушел, но ждать было недолго. После его ухода мы воткнули в сеть нагреватели в баках бани, они уже были полны водой, и пошли готовить еду.

Торжество затянулось за полночь, наевшись и угостившись, ребята залезли в баню, и, хоть пили немного, их развезло. Я был на дежурстве, поэтому не пил, не парился и все хорошо запомнил.

В бане Ваня Пикалев, как старшина, приказал всем выходить на плац. Из нашего призыва свободны от службы были человек десять, все они, не считая меня, вышли за Ваней строем

на плац в чем мать родила. Все шагали в ногу, колонной по одному по периметру плаца, Ваня затянул «По дону гуляет» и приказал подпевать. По ночам на плац светили два прожектора, через дорогу были дома поселка, и о чем думали люди, видя, как по плацу вышагивают голышом десять дембелей, болтая причиндалами и вопя песню, я не знаю.

Я хохотал, сидя под туйкой у плаца, и не мог остановиться. Праздник удался.

Мой дом

Когда случилась «Павловская реформа», я жил и работал на Чукотке, в поселке Билибино, в хорошем, теплом и просторном доме из лиственничного бруса, купленном мною за два года до этого. Дом этот был именно моим, хоть построил его другой человек. Как это объяснить? А пожалуй никак. Никто, я думаю, не станет спорить, что не все можно объяснить с помощью так называемой «человеческой логики». Дом ждал, когда я его куплю, терпеливо ждал меня, я это понял не сразу, но, главное, что я это понял. Неважно и то, сколько я, жена и дочь прожили в этом доме.

До этого у меня за плечами было больше тридцати общежитий, съемных квартир и т. д. Удивлены? Не поленился и посчитал. Впереди же у меня были нескончаемые вокзалы, аэропорты, бессчетные плацкартные вагоны, лес и стройка с картонками вместо матраца. Впереди были разочарования и страх, вера в победу и поражения, радость и отчаяние, иллюзии и освобождение от них. Поэтому, этот дом был моим, моим и останется, память не уничтожить.

Сначала я зарабатывал деньги, складывал, брал займы, собирал, потом искал этот дом, ходил по поселку, читал объявления, все было не то. Наконец я пришел туда, куда нужно, на улицу Полины Осипенко 11, к моему дому. Вошел через калитку во двор и постучал в дверь, не заметив собачьей будки рядом. Но пес, который там сидел, тоже догадывался, что я будущий хозяин, поэтому он зарычал тихонько и тяпнул меня за ногу не сильно, в свою очередь и я не сильно шмякнул его сумкой по голове, так мы познакомились.

Была зима, через две недели наступал новый 1990-й год, я на санках по льду ручья перетаскивал свои нехитрые пожитки в мое новое жилище. С последними санками забрал кота, кот сначала не хотел идти, но я его уговорил. Когда я закрыл за собой дверь, Санька, так звали моего кота, выпрыгнул у меня из-за пазухи, где сидел всю дорогу и осторожно двинулся на разведку с веранды на кухню и дальше.

Когда я занес оставшиеся вещи и зашел в комнату, кот уже сидел у батареи и одобрительно смотрел на меня. Я понял, что он о переезде не жалеет. В тот день было много работы, неожиданностей, переживаний, поэтому мы с Санькой заснули прямо на теплом деревянном полу из толстенных досок, у окна. Дом принял нас.

Мы начали обживать, кот ходил за мной везде, когда я залезал в ванну и закрывал дверь, он орал до тех пор, пока я не впускал его, он входил и лежал у ванны, пока я не выйду. Стоило мне пойти к соседу – Саня шел следом и, пока мы разговаривали и пили чай, становился на задние лапы и выглядывал меня за стеклом веранды.

Когда приходило время его купать, и я начинал, поставив Саню в ванну, поливать теплой водой и намывать, котик начинал орать на одной ноте и без остановки. Когда у него заканчивался воздух, он глубоко вдыхал и начинал орать снова. Бесконечное мяу прекращалось, только когда я вытирал его полотенцем.

Кооператив, благодаря которому я смог собрать денег на дом, к этому времени развалился полностью, поэтому я стал искать работу. Мне тогда казалось, что я никакой работы не боюсь и со всем справлюсь. Видимо Господь решил дать мне возможность убедиться в обратном. Я, недолго думая, устроился в цех ЖБК формовщиком, и уже через несколько дней понял, что ничего не знал о том, какой может быть работа. Работа была адовой. В огромном, тускло освещенном помещении шумели кран-балки, бегали озлобленные люди с ломками и лопатами, общавшиеся с помощью мата и междометий, стояла вонь от непонятной маслянистой жидкости для смазки форм и испарения от сохнувших изделий.

Люди, пытаясь заработать больше, перекрывали, перевыполняли план, а им его накидывали и срезали ставки, так было год за годом, и от обеда и перерывов на отдых почти ничего

не осталось. Люди годами метались по этому цеху, цепляясь за северные надбавки и все больше зверея.

Я до этого формовщиком не работал, но никто учить меня не собирался, там просто злобно ждали моих ошибок и орали, видимо получая какое-то удовлетворение, в компенсацию за жизнь, оставленную в этом аду. Это выматывало полностью – физически, а главное, морально. Я приходил домой, смотрел на себя в зеркало и не узнавал: на меня оттуда смотрел измученный, затюканный человечек. Я забирался в горячую ванну и... просыпался, когда вода была холодной.

Платили мизер, но такая работа не стоит никаких денег, едва устроившись, я стал искать другое место. Мне посоветовали попроситься грузчиком в магазин, и я написал заявление об уходе в контору завода ЖБИ. Перед этим меня предупредили, что так просто они не отпускают, поэтому я придумал слезную историю о необходимости срочного отъезда. И когда начальник, выслушав меня с сомнением, все же подписал заявление, я был счастлив, как мужик из анекдота про козу, взявший сначала ее к себе в маленькую комнату, а потом продал и понял, что такое истинное спокойствие и благодать.

Ну на самом деле, нужно же меня как-то учить?

Тогда-то я и пришел устраиваться грузчиком в магазин, где заведующей была Любовь Ивановна Козырева, добрейший и надежнейший человек. Она меня взяла, слава Богу, я теперь знал цену человеческого отношения, меня можно было брать смело, на такого работника не наладуешься.

Перемены были разительными: люди улыбались, никто не злорадствовал по поводу ошибок, не было насмешек и издевательств и приходила мысль: «За что же так наказаны люди на заводе ЖБИ? За глупость? За нежелание слушать и понимать других? За что-то в прошлом?»

Работы в магазине было предостаточно, машины шли часто, кроме этого приходилось рубить мясо, мы уставали, но потом спокойно пили чай в маленькой комнатке отдыха и шутили. Кроме меня было еще два грузчика, один из них, Сережа Артемьев, за полмесяца до меня тоже уволился с того же завода ЖБИ и стал работать в магазине, мы вспоминали цеха ЖБК как кошмар. Сережа был небольшого роста, но очень ловок и силен физически, обладал молниеносным ударом с обеих рук, был кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе. Такого шутника и озорника нужно было еще поискать.

Во время разгрузки он, посмотрев на меня, вдруг останавливался и озабоченно говорил: «Аркаша, ты не заболел? Ты совершенно бледный и под глазами круги». Зная о его любви к подвохам, я махал рукой и шел с коробкой в магазин. Девчонки, встретившиеся по дороге, вдруг тоже заботливо спрашивали: «Аркаша, тебе плохо?» Я шел к зеркалу, а они все начинали хохотать, и я, конечно, тоже.

Третий наш соратник Коля был парнем непростым, рубил мясо налево, сочинял какие-то мутные схемы, тайно шептался с какими-то людьми и был не прочь проехаться за чужой счет.

Когда к заведующей приходили тетеньки из конторы УРСа, чтобы купить кусок мяса получше, Любовь Ивановна звала меня и напутствовала такими словами: «Иди, Аркаша, с этой женщиной в подвал и отруби там ей ногу».

В магазин привозили много мяса, там была и отечественная говядина и свинина, и австралийские полутуши, которые были минимум в два раза больше наших по весу, обколотые гормонами роста, и австралийская же баранина в марлевой обвязке, и брикетированное мясо второй категории. Привозили и местных олешков; когда мы их рубили, приходило знакомое чувство подъема температуры, и потом мне рассказывали, что из-за проводившихся во времена Берии ядерных испытаний, в ягеле накапливался цезий и стронций, с большим периодом полураспада, с ягелем эти вещества попадали к олешкам и к нам.

Сергея Артемьев научил меня есть сырое мясо. Мы выбирали в подвале хорошую отечественную говядину, острым ножом резали тонкие ломтики, посыпали солью и перцем, сворачивали в трубочку и отправляли в рот. Было непривычно, но вкусно. Сергей с легкостью ел и сырую рыбу, например, хариуса, я на это не решался, из-за боязни подцепить паразитов.

Ко мне по вызову прилетели жена и дочь, стало повеселее. Рита устроилась в детский садик, туда же определили и Машеньку, ей было три годика. Через некоторое время пришел контейнер с вещами, я привез его из Черского на большегрузе, быт упрощался, дом встречал нас по вечерам теплым светом окон среди мороза и снежной белизны.

Приближалась весна, морозы слабели, я уже привык, что оттепелью считалось повышение температуры с 50—40 градусов мороза, скажем, до минус 30—25с. Становилось действительно теплее, и снег, и воздух были другими.

Но ледоход начинался в конце мая, в это время набирал силу полярный день, солнышко катилось по небосклону, уже не прячась от нас за горизонт. В это время, почему-то обычно ночью, начинался страшный грохот на реке. Речки и ручьи в Билибино и окрестностях, как правило, небольшие и неглубокие, но, когда весна начинает ломать лед, становится шумно. Первый раз я даже испугался, выбежал в лес, который был сразу за домом, дошел до речки и долго стоял, пораженный; льдины громоздились одна на другую, грохотали, на этот грохот накладывался другой звук возрождающейся жизни – непрекращающийся птичий гомон. Пение птиц и переклички не утихали ни днем, ни ночью, ночи уже просто не было. Спят ли они в это время? Некогда.

Потом на Чукотку приходил кислород. Это чувствуешь сразу. Однажды утром, идя на работу, ты замечаешь, что воздух стал пахнуть по-другому. Все потому, что на сопках и в низинах миллионы лиственниц, выбросили миллиарды иголок – листиков, и каждая иголочка отдала свой первый кислород этому пространству, людям, птицам и животным. В этот момент хочется дышать глубоко и сильно, собирая ноздрями этот неповторимый, кисловатый запах жизни.

Хотя и говорят, что зима от лета на Севере отличается тем, что зимой люди ходят в застегнутых фуфайках, а летом – в расстегнутых, бывает и по-другому. Лето 1991-го, например, выдалось ярким, зеленым, ягодным и даже жарким. Доходило до плюс тридцати, и трава в лесу вымахала по пояс. Возле моего дома протекал ручей, а сразу за ручьем начинался лес. Мы ходили туда с Машей и котом Санькой гулять и есть смородину, которой в то лето было полно.

Мы с Машей прятались от кота, и выходили, когда он, становясь на задние лапы и жалобно мяукая, пытался увидеть нас из-за высокой травы.

Весь поселок ринулся загорать на речку, и было странно наблюдать галечную отмель северной реки, усыпанную белыми телами жителей поселка, отмахивающихся от комарья. Я брал Машу на руки, макал в быстрый поток, она пицала и мы бежали, смеясь на берег. Ходили мы и за брусникой, все было рядом. Пес Мишка, которого хозяин дома оставил мне, когда улетал «на материк», ходил в лес с нами. Это была сильная, северная собака, с густой шерстью и еще более густым, как валенок, подшерстком. Стоило Рите, Маше или мне собрать горсть брусники, Мишка прибегал и просил ее, в несколько движений языка он освобождал ладонь от ягод и бежал к тому, кто успел нарвать еще.

Окна приходилось занавешивать плотными шторами, потому что не всем удавалось заснуть при свете незаходящего солнца. Кот Санька, возвращаясь ночью с гулянки и залезая в форточку, иногда будил нас, и если он, заходя в комнату, где мы спали, видел, что глаза у нас открыты, он обязательно начинал рассказывать где был и что видел, и это его «мяу-мяу», нас окончательно будило, поэтому мы, заслышав, как он лезет в форточку и спрыгивает на пол, закрывали глаза и притворялись спящими. Кот входил, смотрел на нас некоторое время, и видя, что внимания от нас не дождешься, молча шел на кухню к своей миске. Иногда он

приносил птиц из леса и рыбу из коптильни соседа, как бы говоря: «Вот, посмотрите, я тоже не лыком шит».

А вот Мишка повадился рвать цепь и убежал гулять. Все бы ничего, но ему нравилось подкрасться к почтальонше сзади и тяпнуть ее за ногу. Поднимался крик. Почтальоны отказались приходить в наш околоток. Я купил новую цепь, но все было бесполезно, пес был очень силен. Мне сказали, что если ничего не изменится, я сам буду разносить газеты. Отдать Мишку я никому не мог, он все равно прибежал обратно. Переполнило чашу то, что Мишка укусил Машу за щеку, слава Богу, не сильно и без последствий. Я попросил у Сережи ружье и зарядил картечью. В последнюю свою ночь, Мишка послушно шел за мной через мостик в лес, он наверное понял все, но не убежал. Я помолился, зажмурился и снес ему половину черепа.

Рита уволилась из садика и стала делать желающим лечебный массаж, у нее были документы и навыки. Это происходило у нас дома, по ее просьбе я поставил в маленьком межкомнатном пространстве стол, чтобы было удобно. Заработало сарафанное радио, пошли люди, Рита стала забывать о маленьких детсадовских зарплатах. Потом она включила в ассортимент своих услуг еще и какой-то «бесконтактный» массаж, я не очень верил в его действенность, и мне это все меньше нравилось, потому что на эти сеансы приходили и мужчины, я стал ревновать.

Прошло какое-то время, и однажды ночью Рита разбудила меня и сказала, что ей плохо. Я пощупал пульс и ужаснулся: сердце ее колотилось очень быстро и беспорядочно. Я позвонил в скорую, они приехали и сделали укол. Для такой сильной тахикардии, казалось не было предпосылок, но с этого времени Рита прекратила сеансы «бесконтактного» массажа.

Забегая вперед, расскажу, что уже после всех этих событий, когда я летел в самолете в Магадан, мне случайно попался листик со статьей из журнала «Огонек». В статье говорилось о таких же самодеятельных целителях, использующих «бесконтактный» массаж. Говорилось о том, что эти «целители», не имея истинного дара и собирая деньги, по сути с помощью обмана, расплачивались в конце концов аритмией, тахикардией, а те, кто упорствовал в своем неблагом усердии, – и смертью.

Дело шло к развалу Союза, денег, как обычно, не хватало, я решил попробовать написать письма с просьбой о приеме на работу в Штаты, Канаду, еще куда-то. Письмо и резюме с фотографией, переведенные на английский, размножил и отправил на десятки адресов. Перед этим немного пополнил свои захудалые знания языка на курсах английского.

Ответ мне присылать не торопились, и я подумал, а почему бы не попробовать мыть золотишко в окрестностях поселка, где было множество брошенных приисков, ведь, как говорили, даже из отвалов можно было что-нибудь намыть. Нужно было взять отпуск, и еще нужна была винтовка, или ружье, там могли быть медведи и волки, четырех и двуногие. Я стал советоваться с Сережей Артемьевым, и он меня отговорил. Сережа сказал, что за каждым, кто отправляется в тайгу или сопки, наблюдают специальные люди и незамеченным это сделать не удастся. Сережа родился на Чукотке, вырос там, и не верить ему у меня оснований не было.

Тогда меня посетила другая, еще более глупая, как я теперь понимаю, идея. Я подумал, а почему бы мне не попробовать самому дойти до Аляски, ведь Ном и Анкоридж были не так далеко. Сил было много, энергия хлестала через край, казалось что я, сделав грузовые санки, с запасом продуктов и резиновой лодкой смогу не только дойти до Берингова пролива, пересечь его, но и добраться до искомым поселков на той стороне. И Сережа Артемьев, слава Богу, снова привел меня в чувство. Он сказал: «Аркаша, не ходи!» Он убедил меня, что невозможно пройти такое расстояние в одиночку, постоянно рискуя провалиться в наледь, под воду, присыпанную снегом, не говоря уже о чукотских волках, которые больше обычных в полтора раза.

Я очень благодарен моему другу Сереже, за то, что уберег меня от моей собственной глупости. Жив ли он, настоящий человек и друг?

Все трещало по швам, деньги обесценивались. Наши отношения с Ритой зашли в глухой тупик. Мы развелись и отправили контейнер с ее вещами по ее старому адресу. Потом они с Машей улетели тоже. После этого улетал и я, собрав остатки вещей Риты и свои.

Через какое-то время я снова прилетел в Билибино, пытался возить с китайской границы товар на продажу, но это оказалось невыгодным. Народ разлетался из поселка, все искали свои пути и возможности заработка. Я очень жалею, что, когда у меня была возможность, не вывез с Чукотки кота Саньку. Прилетев в предпоследний раз в поселок, я его уже не застал, Саньку разорвали бродячие собаки, и я от бессилия гонялся за ними с ножом, привязанным к палке, и плакал.

Я улетал с Чукотки и не знал, что уже не вернусь. В моем доме оставались мои вещи, запас продуктов, поэтому дом отпустил меня легко, он наверное тоже думал, что это ненадолго.

Мой Дом и мой Север снятся мне до сих пор, уже 22 года. Эту незримую связь, видимо, не разорвать.

Узел связи

В Симферополе на вокзале мы сели в плацкартный вагон, нас было двадцать человек стриженных парней и еще двое военных. Ехать мы собирались не куда-нибудь, а в армию, в Советскую Армию, наша команда была сформирована на сборном пункте, и в ней были ребята со всего Крыма.

С собой мы тащили коробки с сухпайками и собирались ехать долго, капитан, которого назначили доставить нас на место, пошутил, сказав, что едем в Хабаровск. И, хоть наш старший предупредил, чтобы без водки, все равно была и пьянка, и драка, и порезанные руки одного из наших от разбитого оконного стекла.

Через сутки оказалось, что мы приехали. Нас ждала машина, крытая брезентом. Это был Ростов-на-Дону. Я снова встретился с городом, откуда уехал совсем маленьким.

Машина миновала ворота КПП, и через минуту остановилась за большим плацем, у здания, похожего на застекленный павильон, оказалось, что это банно-прачечный комплекс. Там нас всех ждали обновки и знакомство с портянками, нам предстояло научиться с ними ладить. Запахи новой, незнакомой жизни начали отсекал прошлое, и это было непросто.

Байковое белье и одежда хаки, бушлаты, зимние шапки и сапоги, иногда казавшиеся сделанными из жести.

Нас перевели через плац, и мы попали в казармы полка. Все происходило быстро, и память не успевала фиксировать впечатления, мы шарахались, как необъезженные кони, выпучив глаза. Товарищ сержант был повсюду и контролировал все.

Утренние кроссы, дневная шагистика на плацу, команды, команды, команды. Алюминиевые миски с кашей или супом, хлеб в пластиковых тазиках на десятерых. Есть хотелось всегда и стыдно вспомнить животное желание схватить быстрее и больше. Порции были на удивление маленькими, поверить, что это норма, я не мог.

Обязательным был просмотр программы «Время» вечером. Мы сидели в ленкомнате и прилагали громадные усилия, чтобы не уснуть. Но не удавалось. Заснувшего «старички» не обделяли тычком или ударом шапки в лицо, это сопровождалось фразой: «Ты спишь, „такой“ твой морда?» Сон пропадал. Иногда уходило ощущение реальности. Я не забуду, как во время просмотра мультфильма с песней львеночка «Я на солнышке лежу», я, встав по команде, не смог ответить сержанту ничего вразумительного, потому что в этот момент воспоминания выбили меня и из ленкомнаты, и из казармы, и из славного города Ростова-на-Дону. Я был в тот момент там, где хотел быть всем сердцем – дома. И пока я бормотал абракадабру, приходя в себя, все веселились.

В казарме преобладал запах черного гуталина для сапог, мастики для натирки пола, дешевого шипра, шинелей, табака и человеческих тел. Это днем. О ночных и особенно утренних ароматах казармы, я подробно писать не буду, из боязни отпугнуть людей впечатлительных.

Но были и радостные моменты. Один из сержантов, Лупызин, видимо жалел нас, и после отбоя, когда мы еще не спали, в темноте ходил между ярусами коек и рассказывал анекдоты. Вряд ли кто-нибудь из нас забудет его шутовское и нарочито суровое: «Сержант Лупызин шутить не любит!» Забудешь ли хорошего человека?

Это был «карантин», то есть время принятия присяги. Командиром нашей учебной роты был майор Бандура, замечательный, добрый человек, прошедший войну. Он тоже всегда старался поддержать нас словом. А вот комвзвода у нас был мальчишка – щеголь, из новоиспеченных лейтенантов, я не припомню, чтобы он когда-нибудь посмотрел на кого-то из нас. Его волновало только, как сидит на нем мундир, сияют ли сапоги и каков он в зеркале.

Пришел Новый Год, нам выдали по два вареных яйца и две печенюшки. И Новый Год наступил. Я не могу, конечно, поручиться, что не было совсем никаких мероприятий к празднику, но память ничего не зафиксировала. Запомнился только приезд известной артистки Майи Булгаковой, ее добрые слова, но это было позже, весной.

Бегали мы много, и после очередного марш-броска (это называлось «выбежать на ботанику»), нога у меня распухла и перестала помещаться в сапоге. Я не без удовольствия отсыпался в санчасти, правда известное место здорово продырявили уколами пенициллина. Ко дню принятия присяги опухоль спала и я смог натянуть сапог и дохромать до места построения. Там я увидел маму, нам несколько минут удалось поговорить, и я узнал, что она, приехав, никак не могла добиться правды, где же за час до присяги находится рядовой Кулиненко.

Я читал текст и чувствовал мамино волнение и взгляд. Почти все родители новобранцев присутствовали, и после того, как присягу прочитал последний из нас, нам дали немного времени, чтобы поговорить с родными. Мы с мамой посидели в кафе на территории полка, я старался успокоить ее как мог. Потом мама снова улетела домой, а я вернулся в санчасть, а потом и в казарму.

Нас по одному, вызывали в отдельное помещение, где за столом сидели члены комиссии, врач и несколько офицеров. Пришла пора отправки в учебные и просто в подразделения, и наши пожелания тоже учитывались. Я попросился в «учебку» в Шауляе, где готовили сержантов – начальников радиостанций. Но, майор Бандура сказал: «Зрение твое, сынок, не позволяет мне записать тебя в команду на Шауляй, а радистом не хочешь стать?» Я сказал, что согласен.

Учебный взвод Узла связи полка находился в отдельном крыле здания на третьем этаже. Дверь и лестница вели только туда, площадки первого и второго этажей были глухими. Нас оказалось сорок человек, четыре отделения по десять. Замкомвзвода, старший сержант Сокол ходил перед строем и объяснял нам рублеными фразами порядок работы учебного центра и наши обязанности. И после того, как миновал наш первый день в учебке, мы поняли, что муштра в «карантине» была ерундой, а тамошние сержанты, в сравнении с сержантами учебного центра, добрейшими людьми.

Нагрузки утроились, муштра удесятерилась, за малейшую провинность курсант бежал мыть туалет, лестницу снизу вверх, или белую полосу линолеума 10 на 2 метра на входе в помещение казармы. Все это мылось без конца щетками с мылом, менялись только люди, то есть мы.

Но, коль назвался груздем... Начали мы изучать и азбуку Морзе и прием – передачу. Расслабиться получалось только после отбоя, в койке. Но ночью почти все мерзли, окна не были как следует утеплены, а одеяльца были байковые. Я просыпался часа в 2 ночи от холода и начинал растирать ноги и руки. Судя по шуму и скрипу коек, я был далеко не один. Шинелями нам укрываться почему-то не разрешали, хотя «старички», которых было в учебке, кроме сержантов, человек десять (все они были водителями автомобилей узла связи) наши шинели на ночь забирали.

Поэтому раза по два-три за ночь мы просыпались и грелись, как могли. Но однажды все изменилось. Кому из взвода первому пришла посылка с салом, неизвестно. Сало поделили по-братски, и каждому достался кусочек со спичечный коробок. Мы его съели на ужин и... никто не замерз ночью. Письма с просьбой прислать сало, полетели во все концы. Эту напасть мы, с Божьей помощью, одолели.

За все время нахождения на учебке наши сержанты ни разу не отказали себе в удовольствии «отбить» взвод по несколько раз. «Отбить» – означало скомандовать отбой – подъем по 10—15 -20 раз. Раздеться, сложить обмундирование и прыгнуть в койку нужно было почему-то не больше чем за 45 секунд, одеться – за те же 45. Но и этих секунд нам не давали, просто зажигали спичку, надо было успеть, пока она горела.

Но все время кто-то не укладывался, и все начиналось сызнова. Так что под одеяла мы забирались обычно уже взмокшие, будто не спать собирались, а куда-то бежать.

Несколько раз, видимо, не успевал я, и на меня начинали покрикивать два парня из соседнего отделения, послушно становясь в руках сержанта орудием круговой поруки, но я в долгу не оставался, а на открытый конфликт они идти, видимо, боялись.

Но было и мое отделение, самые лучшие ребята. Я не забуду их пока жив. Если мне нужен повод поразиться, восхититься чуду человеческого взаимопонимания и взаимопомощи, я вспоминаю людей, которых Судьба, Господь посылал мне навстречу. Это были прекрасные люди, и так говоря о них, я нисколько не преувеличиваю и не кривлю душой.

В том, что сближению людей способствуют преодоленные совместно обстоятельства, трудности, испытания, сомнений конечно нет никаких, да вот только в тех же обстоятельствах, я был свидетелем и других отношений, о которых вспоминать горько. Поэтому у меня есть все основания удивляться и радоваться тому, какие люди были рядом со мной.

Первым по росту, а стало быть, и в строю, в нашем отделении был Ильговский, его имени моя память, к сожалению, не сохранила. Он был из Краснодара, и в общем-то неплохой парень, но позволял себе некоторое высокомерие по отношению к другим, и это совсем не способствовало его сближению с ребятами. Вторым шел Володя Трофимов, это был замечательный, мягкий, деликатный парень с тонкой душой, он сразу чувствовал чужую боль и реагировал, стараясь помочь и поддержать. С первого взгляда было понятно, что человек это бесхитростный и безобидный, без «задних» мыслей и лукавства. Даже наши сержанты, казалось, лишённые эмоций и отлитые из металла, и те улыбались, глядя на Володю, в его глаза. В том, что этот парень изначально честен и чист, не усомнился бы никто.

Третьим в колонне шел я, а за мной – Володя Руснак, надежный, компанейский парень, весельчак. До армии, несмотря на молодость, Володя успел поработать водителем – экстремалом в каком-то шоу и, попав в аварию, встал на ноги только после операции. Несмотря на кажущийся очевидным задор и яркий темперамент, Володя был раним, хотя это тщательно маскировал.

Был в отделении еще один человек, о котором я не упомянуть не могу, это Сережа Моргачев, он ничем не выделялся, разве что мудростью не по годам и ощущением безусловной надежности и доброты, которое приходило, как только он начинал говорить. Сережа говорил негромко, немного картавил, но каждое слово его было весомо и на своем месте. Остальные ребята тоже были простые и настоящие. С ними, со своим отделением, я пошел бы и в разведку, и в бой, и куда угодно, не думая ни минуты.

Дедовщины, в ее чудовищных проявлениях, пожалуй, как и простой дедовщины, у нас не было. То есть, безусловно, эта зараза, а я ее воспринимаю только так, эта зараза где-то коренилась, пряталась от света и, как плесень, готова была пустить побеги. Но, слава Богу, в нашей части эту гадость было кому корчевать. Для этого у нас был наш полковой командир, замечательный офицер, полковник Баскаев, мой тезка. В самом начале нашей службы в учебном взводе Узла связи в полку произошло ЧП. Два «старичка» побили «молодого». Причины остались неизвестны, но в тот же день весь полк, свободный от службы, был собран в актовом зале, он был у нас очень большой. После того как все уселись, на сцену вышел Баскаев и вывел двух провинившихся. Говорил полковник недолго, он сказал, что один и последний раз спросит нас, как ему с ними поступить, отправить в дисбат или придумать наказание помягче? Всеобщий гул был ему ответом. Баскаев кивнул. «Я, – сказал он, – не сомневался, что вы попросите меня не наказывать этих двоих строго. Как я и обещал, я поступлю, как просит полк, но это единственный раз. Следующего, или следующих, кто забудет кто они и зачем здесь, ждет тюрьма или дисбат».

Стоит ли удивляться, что после этого все те, в ком садистские или просто животные наклонности преобладали над человеческими, прятали свои намерения, и если и делали что-то исподтишка, то в глазах у них был страх, и это было видно.

Ну а если нельзя, а очень хочется? Тогда, конечно, нужно все подогнать под устав, и делать все будто-бы согласно этой книжице. Мало кто из нас сомневался, что наши сержанты так и поступают. В столовой полка, несмотря на мизерные порции, нам не давали времени их прожевать, мы просто глотали, боясь, что вот сейчас последует команда встать. Как я уже упоминал, как бы холодно не было, шинелями нам укрываться не разрешали. Нас гоняли по плацу гусиным шагом, вприсядку, после чего крем с сапожных голенищ, конечно, переключивал на брюки, и их сразу нужно было стирать.

Была еще одна забава у наших сержантиков. Нас обряжали в шинели и пускали ползком под кроватями отделения, по натертому мастикой полу, и так раз 10—15. Пол, само собой блестел еще лучше, а вот шинели – нет.

Кто-нибудь скажет: «Да вы, дядя, канючить изволите, это же армия, тренировки и лишения!» Кто станет с этим спорить? А станет ли кто-нибудь спорить с тем, что нормальный человек всегда отличит тренировку от завуалированного издевательства?

Я не стану называть фамилию сержанта, который был командиром моего отделения, у меня есть для этого веские основания. Скажу только, что у всех нас было отчетливое ощущение, что этот человек получает от своих действий нездоровое удовольствие. Многие ребята хотели поквитаться с ним после армии, случилось это или нет, я не знаю, ну да Бог ему судья.

У Ростовского цирка с нашей частью, видимо, была какая-то договоренность, мы выполняли некоторые работы у здания цирка, копали траншеи для коммуникаций, а за это нас приглашали на представления. Правда, почти всегда мы бежали в цирк бегом, в парадных мундирах. В парадных же мундирах нас иногда «отбивали», то есть заставляли по 10—20 раз снимать и надевать их. В конце концов, мундиры на вспотевшие тела налезали с трудом. Зачем это делалось? Думаю, по тем же причинам, которые перечислены выше.

Человек, наверное, способен привыкнуть и приспособиться ко многому. Мы входили в этот новый для нас ритм, заснуть могли почти в любом положении, даже стоя на тумбочке дневального, как лошади. В карманах шинелей были засохшие кусочки хлеба из столовой, на стрельбище их можно было погрызть. Но, самое главное, рядом были ребята, которые, если что, подставят плечо и поддержат словом.

Койки наши в казарме располагались в том же порядке, что и мы в строю. Справа от меня спал Володя Трофимов, а слева – Володя Руснак. После отбоя мы шепотом общались, рассказывая друг другу свои коротенькие истории. Помню, Володе Трофимову прислали из дому сушеные абрикосы, он потчевал нас ими, передавая в темноте. Конечно, они были необыкновенно вкусные, но почему-то и Володя Трофимов, и Вова Руснак еще жевали свою абрикосину, а у меня она очень быстро проваливалась куда-то, наверное, в желудок. Это происходило так быстро, что я не успевал ничего предпринять для того, чтобы продлить удовольствие. В этот момент, видимо, воля моя ослабевала.

Заметив, по косвенным признакам, что я перестал жевать, Володя Трофимов удивленно спрашивал: «Ты что, уже съел?» Я горестно, не без стыда, подтверждал его догадку. Укоризны на его лице в темноте я не видел, но Володя говорил: «Не торопись, она же твердая, зачем твердую глотать?» И давал мне еще горсть.

Каждый вечер после ужина одно из отделений полка выдвигалось на кухню для чистки картошки. Работа затягивалась часов до трех ночи, потому что машинка для предварительной чистки, если и была исправна, что было не всегда, то очищала не совсем хорошо. Правда, были люди, которые помогали нам вернуться в казарму раньше, благодаря им я наконец разобрался, почему порции в полковой столовой были такими маленькими.

Наше отделение попадало на кухню несколько раз, и все время около полуночи к дверям помещения подъезжал капитан на мотоцикле с коляской и, говоря, что заберет у нас лишнее, чтобы мы пошли раньше спать, грузил в коляску несколько ведер картофеля. Этого капитана, с лицом негодяя и пропойцы, все знали, и конечно, не он один участвовал в спасении полка от обжорства и недосыпания.

Тем временем, весна наступала, мы бежали по утрам уже без бушлатов, сапоги стали казаться очень удобной обувью, портянки наматывались в течение нескольких секунд. К чувству удовольствия от пробежки добавлялось чувство общности и гордость от приобретенных навыков, но, оказывается, это было еще не все.

В один из дней взвод выбежал на «ботанику» на 4 часа. Ботаникой называлась пересеченная местность в черте города, заросшая деревьями и кустарником, с оврагами и буераками, напоминающая большой заброшенный парк.

Мы бежали в касках, с автоматами и подсумками, кроме этого несли 10 радиостанций, стареньких и громоздких, 10 комплектов ОЗК и противогазы. ОЗК, или общевоинской защитный комплект, – это прорезиненная одежда, которая вкупе с противогазом предназначена защитить как минимум от попадания на кожу отравляющих веществ и радиоактивной пыли.

В течение часа одно отделение должно было окопаться, второе бегать в ОЗК по пересеченке, третье – развернуть радиостанции и связаться друг с другом, а четвертое занималось изготовкой к стрельбе и чисткой оружия. Потом менялись. Поскольку я был во втором отделении, нам выпало бежать в ОЗК первыми, а прибежал я, на свою беду, последним. Сержант, руководивший процедурой, сказал, что я что-то плохо бегаю, и приказал бежать второй час, потом третий и четвертый.

К концу второго часа я под резиной был мокрый насквозь, на третий час вода уже всю хлюпала в противогазе. Сначала я хотел пожаловаться и отказаться бежать, но потом подумал: Дудки! Я лучше сдохну, но не буду ни о чем просить, и отказа от меня он не дожидается.

И я пробежал, но к концу уже плохо двигался. Больше всего я боялся, что обратно в часть тоже прикажут бегом, но, слава Богу, мы пошли. Я шел в третьей шеренге, как всегда, только все время отставал, сам этого не замечая, от усталости. Ребята, конечно, ничего не говорили, только иногда дотрагивались рукой, чтобы вернуть меня к реальности, тогда я догонял свою шеренгу.

В то же день я залег в санчасть, потому что ноги были сбиты в кровь и стали пухнуть. Я снова отсыпался и отъедался, в санчасти кормили хорошо и давали мое любимое – молочное. Снова мне искололи всю пятую точку пенициллиновыми уколами.

Перед этим я написал маме письмо с просьбой прислать крымских сигарет, и мама, которая всегда просила меня бросить курить, скрепя сердце прислала мне бандероль с крымскими «Примой» и «Феодосией». Но в санчасти, с распухшими ногами, со мной произошла метаморфоза, я понял, что не хочу быть рабом этой зависимости, сушеной листвы и вонючего дыма. Мне стало стыдно перед мамой за мою глупость и слабость.

Вернувшись через неделю из санчасти во взвод, я раздал все сигареты из бандероли ребятам, и сказал, что с куревом завязываю. Поверивших было совсем немного, остальные утверждали, что через день я буду просить сигареты обратно. Я снова подумал про себя: Дудки! Не дожидетесь!

С тех пор прошло 36 лет, и я больше не курил. А может все дело просто в том, что я вреден от природы, и если бы не было засомневавшихся в моих словах, то так бы и дымил до сих пор? Я еще не разобрался в этом.

В один из прекрасных весенних дней, когда мы были в казарме на занятиях, мне вдруг сообщили, что внизу у входа меня ждет женщина из штаба дивизии. Я удивился гораздо больше других, сержант меня отпустил. Спустившись, я действительно увидел незнакомую женщину

лет тридцати, она спросила, не узнаю ли я ее. – Нет, к сожалению, – Да, конечно, ты был совсем маленький.

Оказалось, что это моя дальняя родственница по отцовской линии, что она действительно служит в штабе дивизии на какой-то маленькой должности и что ее визит – это результат маминского беспокойства и писем родичам. Эту женщину звали Нина, и мне очень стыдно. Так уж вышло, что после демобилизации, я больше ни разу не встретился ни с ней, ни с кем из других родственников отца.

Тогда же в учебке Узла связи появление Нины многое изменило. Для меня, конечно. Во-первых, надо сказать, что безо всяких на то оснований я в глазах «старичков», сержантов и многих сослуживцев переходил в разряд «блатных», поскольку, оказывается, имел родичей в штабе дивизии. Участвовавшие передачи продуктов тоже работали на дутый «авторитет», я стал чувствовать себя спокойнее и легче. Но, самое главное, Нина пообещала мне устроить увольнительную на целый день и отвезти к деду и на могилу отца.

Это произошло скоро, замечательным, ясным, весенним утром, я, собственноручно наглаженный и отутюженный, не слишком доверяя своим ощущениям, вышел за КПП полка не затем, чтобы куда-то бежать в противогазе.

Родственники встречали меня, и мне было неловко, потому что я никого из них не помнил и не знал. Я очень благодарен этим людям, они мое состояние понимали.

Мы приехали за Дон, в Батайск, городок близ Ростова, и меня угощали всякой вкуснятиной в доме у кого-то из родичей за накрытым столом. Еще мне дали гражданские рубашку и брюки, чтобы я чувствовал себя свободнее и не опасался окрика военного патруля. Я думаю, что все эти люди около меня, исключая молодежь, испытывали по отношению ко мне чувство вины, пусть незаслуженно, косвенно. Все, кто угощал меня и говорил со мной, помнили или знали печальную историю нашей семьи, помнили, как 13 лет назад, мою маму угрозами и оскорблениями вынудили забрать меня и сначала уйти на квартиру, а потом и вовсе уехать из этого городка, потому что она не захотела потакать пьянкам отца, пьянкам, которые становились все продолжительней и закончились его гибелью.

Мне предстояла встреча с дедом, Нина проводила меня до дома, где я действительно пешком ходил под стол. Дед встречал меня у ворот, он был большой, кряжистый, и моя ладонь потерялась в его руке. Я поздоровался, он ответил, но глаза говорили больше, чем издаваемые нами звуки, дед видел, что я смотрю на него с другой стороны, со стороны той, кто меня не предал, и этого уже не изменить.

– Водки за встречу предлагать не стану, знаю, не будешь пить. Я кивнул. – А домашнего вина? Я пожал плечами, вино оказалось вкусным, дед спрашивал, я отвечал, в конце встреча не казалась напрасной. Бабушка Вера после смерти сына, моего отца, прожила недолго, и мой дед Павел, потеряв сына и жену, тоже, возможно, изменил точку зрения на многие вещи. В отличие от меня, он наверное догадывался, что мы видимся в последний раз. Моя рука снова утонула в его руке, руке шофера, прошедшего через Войну. Разве я судья? Я просто внук моего деда.

Нина ждала за воротами на скамеечке. Несколько человек поехали со мной на могилу отца, я не знал, где он похоронен. Его последнее пристанище было на самом краю кладбища, по сенью деревьев. Мы подошли ближе, и, увидев знакомую фотографию бати за оградкой, я неожиданно для себя, слез сдержать не сумел.

Время катилось к вечеру, я снова переоделся в зеленое, родственники проводили меня до части, я благодарил от души. Одна реальность снова должна была сменить другую. До времени окончания увольнения оставалось минут сорок, ни одной из них я потерять не хотел, поэтому просто устроился в каком-то дворике, на лавочке неподалеку от ворот полка. Человек, слава Богу, может думать, мечтать, вспоминать, но делать это, безусловно, удобнее вне казенной реальности. На КПП я был минуту в минуту.

Весну уже было не победить, и очередной дембель снова стал неизбежен. Видимо поэтому однажды утром после подъема я не нашел на полке свою шапку. Вместо нее там лежала старая, замурзанная, судя по виду, жизнь ее была нелегка. Мои ощущения? Подойдет словосочетание «был ошарашен». Теплилась дурацкая надежда, что ошиблись, вернут, найдут. Все наши вещи были подписаны хлоркой, и даже если фамилию замазать, останется широкая белая полоса, это же так легко... Но никто ничего искать не собирался. Сержант, которому я доложил о подмене, меня же и обвинил, сказав, что я не слежу за своим обмундированием. Пришлось натянуть чью-то засаленную ушанку.

Через несколько дней на утреннем разводе, это такое ежедневное построение на плацу, перед нами появился замкомполка по общим вопросам подполковник Машин. Он о чем-то говорил, не спеша шагая перед строем, возможно, он заметил на мне эту шапку, потому что в моей третьей шеренге, она явно выбивалась по цвету и форме, из ряда новеньких шапок моих товарищей, поэтому тон подполковника стал отеческим и проникновенным: «Сынки, – начал Машин, – Сынки, я знаю, что иногда старослужащие перед демобилизацией забирают у молодых солдат вещи, оставляя взамен свои, если с кем-то из вас такое случилось, скажите, мы разберемся!» Вот она справедливость! Со всех сторон мне стали шептать ребята: «Скажи, скажи!» И в этот момент, наискосок и справа от себя, в первой шеренге я увидел свою шапку. Это был «дедушка», шофер Узла связи. Я физически ощутил, как напряглись его спина и шея, когда он понял, что моя рука поднялась.

– Что у тебя случилось, сынок? – подошел подполковник. Я сказал. – Кто командир отделения? – в голосе Машина зазвучал металл, – В чем дело? Нашего сержанта в этот момент почему-то не было, пришлось отдуваться соседу. – Выяснить и все решить, – рокотал Машин. К чему был весь этот спектакль, я не знаю, может подполковник пожалел шофера и так решил его застрашать, кто их, этих подполковников, разберет. Но к чему это лицемерие?

После развода сержант приказал идти за ним, я терялся в догадках, от «старичков» веяло презрением, его же демонстрировал сержант. Вероятно, я должен был чувствовать себя полным изгоем. Но я почему-то им себя не чувствовал. Мы прошли через плац, завернули за угол и оказались... перед дверью полкового военторга. – Деньги есть? – спросил сержант. – Есть, – еще ничего не понимая, ответствовал я. – Иди и купи себе шапку. Я ожидал всего, только не этого. Ай да подполковник! Воплощенная справедливость, искренность, забота и все остальные добродетели!

Шапку я купил, и когда, вернувшись, рассказал обо всем ребятам, настала наша очередь презирать лицемерных командиров, «старичков», продавших уважение к себе за солдатскую шапку, и круговую поруку.

Но Весна, ребята, главное подполковников и сержантов. Она наступает и сметает все старое. А еще Весна не лжет и не лицемерит. С каждым днем прибавлялось света и зелени, прибавлялось уверенности, что учебка все-таки закончится микродембелем. Но выяснилось, что это не последняя моя учебка в части.

Оказывается чуть раньше, из полка ушел запрос в сокровенные глубины государства запрос о возможности моей работы с секретными документами. Ответ был положительным, я получил какую-то категорию допуска, и теперь предстояло освоить курсы шифровальщиков. Эти курсы, совершенно неожиданно для нас, тех, кто попал на них, стали самым приятным временем из всего, что нам пришлось провести в учебке штаба полка.

На втором этаже штабного здания было две комнаты, мы приходили туда по вечерам и на два часа забывали о нервозности, шагистике и субординации. Погружаться в глубины конспирологии нам помогали два прапорщика и просто два хороших человека, Пикалев и Акимов. Оба относились к нам тепло, по-отечески, каждый вечер мы запросто чаевничали и шифровальщики полка угощали нас булочками и печеньем.

Пикалев оказался настоящим ценителем и знатоком чая. Я в письме попросил маму прислать по возможности индийского или цейлонского. В Москве, куда мама ездила на евпаторийском поезде, хороший чай легко можно было купить. Когда пришла посылка, Пикалев радовался, как ребенок, а мы были рады радости человека, подарившего нам спокойствие и тепло.

Однажды вечером, за чаем, Пикалев сказал мне, что, поскольку его пенсия не за горами, он предлагает мне остаться на сверхсрочную службу в шифровальной части полка с последующим переходом на его должность начальника шифровальной службы. Я благодарил его, но представить, что останусь в Ростове и не вернусь домой, к людям, которых люблю, я не мог.

Время учебы истекало, открывались другие горизонты, начинали тревожить другие ожидания. Нам выдали документы, мы прощались с теми, кого не получится забыть и увидеть тоже больше не получится. Только мысли об этом пришли, конечно, гораздо позже.

Мне передали, что у склада меня ждет бортовой ГАЗ-66 из моей будущей 16-й роты и я нашел эту машину. Шофер из «старичков», добрый и веселый человек Бабаев, туркмен, только спросил: «В 16-ю, радист?» – и кивнул на кузов. Я вскарабкался, наверху, среди мешков и ящиков, пытался удобно устроиться светловолосый младший сержант, он протянул руку: – «Иван».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.